

КАВКАЗСКИЙ АКЦЕНТ

№ 11
Ноябрь
2010 г.

Ежемесячный общественно-политический журнал

РАЗДЕЛЕННЫЕ ИСТОРИЕЙ

РАЗДЕЛЕННЫЕ ИСТОРИЕЙ

15 ноября исполнилось 66 лет сталинской депортации месхетинцев

За 10 часов в одну ночь было выселено 125 тысяч месхетинского мусульманского населения из 220 сел пяти районов южной Грузии.

Советская власть безжалостно изгнала из родных мест в Среднюю Азию и Казахстан коренных жителей Месхети, объявив их «врагами народа». И все 66 лет они не могут вернуться к себе на Родину.

Никому до этой даты – 66-й годовщины депортации месхетинцев – в Грузии не было дела. Ни один

зани не вспомнил эту дату. Никаких конференций на эту тему, никаких воспоминаний или желания почтить память своих погибших соплеменников.

Не говоря о том, чтобы подготовить к этой дате художественный или документальный фильм, или же показать архивные документы, чтобы закрыть эту тему.

Грузинское общество очередной раз не выразило никакого сострадания к своим соплеменникам, которые пострадали от советского режима. А ведь сострадание – основа всей мо-

ли. Дети испуганно выглядывали из окон, а в ответ летели угрозы: «Пусть ваши турецкие дети не смотрят на наши грузинские горы!» Вот так вот! И никак не иначе.

Правда, это было давно, во времена антимесхетинской истерии в Грузии, когда случались не только угрозы, но и погромы месхетинских семей, вернувшихся с таким трудом, и около трехсот месхетинских семей были насильно выселены из западной Грузии...

Сейчас, конечно, ситуация не та. Оценки смягчились, отношение, надо сказать, изменилось к лучшему. В Грузии даже принят закон о репатриации месхетинцев. Даже, по словам Е. Тевдорадзе – замминистра по делам реинтеграции Грузии, «это закон, который говорит – КАК НЕ ПРИЕЗЖАТЬ в Грузию, чем как приезжать. Мы с себя, как с государства, практически сняли решение их проблем в возвращении. Получается, что мы им говорим: если ты богатый и у тебя есть деньги, ты можешь – приезжай. А если у тебя нет ничего, сиди там, где ты сидишь. Насколько это справедливо?... Я не знаю».

А от себя добавлю: в этом законе – ни единого слова о реабилитации. Мол, выселенные в 40-х годах могут приезжать, и все! А то, что эти люди выселены советским тоталитарным режимом как «враги народа» и что нужно их реабилитировать, т.е. отменить необоснованное обвинение, восстановить утраченное доброе имя, об этом в законе – ни гугу.

И никого не смущает тот факт, что по этому закону уже никто из депортированных не сможет вернуться: прием заявлений на репатриацию по этому закону прекращен почти год назад.

В грузинском обществе тема по-прежнему дискуссионная, до

6 месхетинских семей. В центре Фатима Чилашвили из Уде с внуком. Совхоз Шильян Азербайджан март 2004

грузинский журнал (исключая разве что «Кавказский акцент», который неизменно держит руку на пульсе этой проблемы), ни одна газета, ни «продвинутое» и «свободное» грузинское телевидение, ни одно интернет-издание не удосужились отметить этот трагедийный факт в истории своей страны.

Не было ни единого выступления представителя грузинской власти, ни один публичный человек Гру-

рали, сказал когда-то Шопенгауэр.

Но, к сожалению, для большинства грузинского общества депортация месхетинцев – и не трагедия вовсе, а защита «национальных интересов»: не пущать чужих в страну!

Когда бежавшие из Ферганы в 1989 году несколько месхетинских семей нашли приют у своих родственников в Хашурском районе Грузии, местное население забросало камнями дома, где их приюти-

сих пор нет единства в оценке депортации. И еще далеко до того, чтобы вопрос закрыть. И поэтому предпочитают делать вид, что ничего не было, чем читать горькие повествования об их высылке.

Я не говорю сейчас о политической оценке этой трагедии, которая должна быть сформулирована на основе информации и всеобщего обсуждения. Потому что информации сегодня нет. Т.е. она есть, архивы существуют, но широкой публике они неизвестны. Хорошо бы эту историю повторить сотни раз по всем телевизионным каналам.

В Германии уже никто не дискутирует о Гитлере – дискуссия закрыта. Все документы открыты, всё известно, этому вынесен исторический приговор. Поэтому Германия может идти дальше. Поэтому немцы имеют право отделить себя от гитлеровского режима.

Можем ли мы так же отделить себя от советского режима?

Когда последний месхетинец сможет вернуться на свою историческую родину и встретить нормальный человеческий прием, когда он получит реабилитацию – отмену необоснованного обвинения и восстановление утраченного доброго имени. Когда он получит реституцию – материальное возмещение ущерба в результате неправомерного акта. И когда за эти преступления будут принесены публичные извинения государства – вот тогда можно идти дальше.

А так – мы каждый раз будем возвращаться, и время от времени эта тема будет раздуваться, поскольку у общества смутные понятия – кто этот народ, за что их выслали?

И снова начнутся споры – за что их депортировали и можно ли их возвращать?

У Марго Чилашвили, ученицы VIII «А» класса средней школы села Уде Адигенского района не возникало подобных вопросов. Она была примерной ученицей, и когда учитель истории Латифшах Бараташвили (это был мой отец) в сентябре 1944 года дал школьникам

Свадьба месхетинцев. Невеста Аиша Чилашвили Уде жених Эвсyal Зазало, рядом с женихом и сверху сестра невесты Чилашвили, справа наверху удели Абуладзе Ташкент 1983

необычное поручение, Марго вдохновилась этим заданием.

Оно и впрямь было необычное. Нужно было составить генеалогическую таблицу, то есть родословную своей фамилии.

Марго, как и все учащиеся школы, получившие подобные поручения, занимается изучением истории своего рода и составлением генеалогического древа.

В этом ей помогают все ее родственники, увлеченные интересным школьным заданием, а также ее отец, 59-летний Гуго Чилашвили.

И что же выясняется? Выясняется много интересного.

Но, во-первых, сначала вкратце об истории Месхетинского края.

До захвата Самцхе-Саатабаго турками, т.е. до XVIII века, все жители села Уде были православными христианами. Во время османского ига они были вынуждены изменить свою религию. Одни приняли католичество, другие – ислам. В XVIII веке из 50 фамилий, проживающих в Уде, 10 приняли мусульманство, остальные 40 фамилий стали католиками.

Мой отец Латифшах Бараташвили до депортации работал учителем истории в Уде, занимался исследованиями по этнографии месхов. В этот же период он при помощи своих учеников стал создавать генеалогические таблицы фамилий своих односельчан. Над одной из них и работала восьмиклассница Марго.

Таким образом, население в Уде было смешанным – мусульмане и католики, которые состояли друг с другом в кровном родстве. В момент раскола веры, бывало, из двух братьев один переходил в католичество, другой принимал ислам.

Мусульманское население села Уде не потеряло свои грузинские фамилии, и до 1944 года там проживало восемь родов с грузинскими фамилиями, это 160 семей. Вот эти фамилии: Абуладзе, Бакрадзе, Бараташвили, Канчадзе, Кикнадзе, Петашвили, Сараджишвили, Чилашвили...

В Уде фамилии некоторых мусульман были такими же, как и у их соседей-христиан.

И Марго выясняет, что фамилия Чилашвили встречается в Уде у представителей обеих религий. Она собирает информацию,

которая не помещается на тетрадных листках. Шла война, и с бумагой, как и со всем остальным, была напряженка. Каким-то образом ей попадает газета «Колхозник Адигени» с чистой оборотной стороной. И Марго, высунув язычок, усердно чертит на газетном развороте родословную своей фамилии.

Глава рода – Серго Чилашвили, его сын – Иона. У него – многочисленное потомство: Петрэ, Тэпо, Павлэ и Вардо.

Выясняется, что данный Вардо примерно в 1760-м году принимает мусульманскую веру и, изменив имя, называется Гюли («Вардо» и «Гюли» в переводе с грузинского и турецкого означает одно и то же: «роза».

– К.Б.).

Его трое старших братьев Петрэ, Тэпо, Павлэ – становятся католиками.

Таким образом, род Чилашвили разветвляется на две религиозные ветки – мусульманскую и католическую.

И это История!

И 15-летняя девочка Марго никаких оценок не выставляет, и не обзывает своих родственников по родословной «предателями веры» или еще как-то, как любят обругивать месхетинских мусульман всевозможные «знатоки» грузинской истории и «радители» христианства.

Она просто констатирует – было так-то, и старательно выписывает разысканные сведения поименно – как католическую ветку древа, так и мусульманскую, вполне понимая, что, несмотря на разные религии, эти люди состоят в кровном родстве и принадлежат к одному грузинскому роду Чилашвили села Уде.

Так оно и было.

Папа в своей неопубликованной работе («Историко-этнографический очерк села Уде» (на груз. яз.), 1943-44 гг.) отмечал, что генетическая принадлежность к грузинскому племени всегда объединяла месхов – католиков и мусульман. Этот пример единения месхов-мусульман и католиков выразился в совместном строительстве в 1895-1907 гг. като-

лического собора в селе Уде по инициативе сельского ксендза Иосеба Чилашвили.

Духовный предводитель мусульман мулла Эюб Чилашвили, руководивший строительством новой мечети в селе Уде, объявил в своей проповеди, что и церковь, и мечеть – это обители Всевышнего. Оба Чилашвили, возглавлявшие духовную власть в селе, были между собой родственниками.

Это можно проследить на генеалогии, начерченной рукой восьмиклассницы Марго Чилашвили. Мулла Эюб был внуком Гюли-Вардо, а Иосеб (Осэ) – внуком Павлэ, брата Гюли.

Католический храм стоит в Уде и поныне с интересной надписью на стене: «В Уде живет 2120 католиков, строителей этого храма. 520 – мусульман, все грузинского племени».

Фраза «мусульмане грузинского племени» указывает на то, что термин «грузин» стал для них более широким понятием, чем «православный», «мусульманин» или «католик».

Этот газетный разворот, подписанный Марго и украшенный девичьими завитушками, пожелтевший и истертый временем, папа вывез из родного села 66 лет назад, когда под дулами солдатских винтовок надо было срочно собирать самое важное и ценное. Эта генеалогия ехала с папой в «студебеккерах», тряслась в товарных вагонах и не полетела в печку, когда в морозной каморке нечем было топить. Она бережно сохранена папой в старой архивной папке с тесемочками вместе с 58-ю таблицами фамилий села Уде.

Много лет позже мы с братом Маратом уже в Грузии проводили семинар-диалог депортированных месхетинцев с местным населением Месхети. Тогда и познакомились с Аней Чилашвили, муж которой был родом из Уде. Я спросила, знают ли они такую Марго Чилашвили? Аня ахнула: «Это же тетя Отара!» Она, оказывается, по-прежнему жила в Уде большим благополучным семейством. Я сказала: в таком случае

у нас есть подарок для тети Марго. И мы передали копию генеалогии, составленной школьницей Марго в 1944 году.

Когда мы встретились на следующем тренинге, Аня рассказала нам, как тетя Марго буквально разрыдалась, увидев привет из своего детства. И долго держала в дрожащих руках документ полувековой давности, рассматривая свой детский почерк и надпись внизу таблицы: «Эта генеалогия составлена в период Отечественной войны. Составитель Марго Чилашвили. 14/IX 1944».

Мы собирались встретиться с ней, но как-то не случилось. Зато мы близко познакомились с семьей Ани и Отара – его прелестными дочерьми – Нино, Лианой и Луизой.

Говорят, тетя Марго спрашивала, живы ли кто-нибудь из ее родственников мусульманской ветки Чилашвили?

В 2004 году я встретила с ее родственниками – с Фатимой Чилашвили. Это было в Азербайджане в бывшем совхозе Шильян Евлахского района, где жили несколько семей депортированных месхетинцев, бежавших от ферганских погромов. Несмотря на экономическую обеспеченность, я застала их в некоторой растерянности. По многолетней привычке куда-то передвигаться, они не знали, куда ехать, но хотели только на Родину – в Грузию.

Я записала рассказ Фатимы Чилашвили.

«Родилась я в селе Уде Адигенского района в 1929 году. Сейчас мне 75 лет. В Уде мы жили вместе с грузинами-христианами, и никто из нас ничего плохого не видел от них. Наоборот, они очень уважали нас, особенно, моего отца. Их женщины называли моего отца Хамзу «батано», и стаями ходили за ним (видный, наверно, был мужчина! – К.Б.).

А мама моя была родом из Турции, из села Шувар-цкали, это тоже часть Месхети. Нас было четыре сестры.

Жили мы хорошо. Такие у нас большие сады были, что отец ездил продавать яблоки в Россию. Продаст, приедет, и этих денег хватало

не только на всю зиму, но и до нового урожая. Так что на эти же деньги он увозил продавать новый собранный урожай.

Дом у нас был большой. Внизу – хозяйственные постройки, там же держали скот, а наверху, с красивыми балконами – жилая часть.

Воздух Уде – ого!.. Хороший был воздух, а уж о воде и говорить не приходится – такая хрустальная вода была. Из Тбилиси, бывало, приезжал человек в наш колхоз, полечиться. Так он приезжал таким худым... Сколько раз я слышала от старших, что вода Уде человека полнит. И этот человек приезжал в одном виде, а уезжал от нас совершенно другим – здоровый, пополневший...

Весной мы часто на фэтоне ездили в Абастумани на воды. Обмывались в горячих целебных родниках и возвращались освеженные. Я слышала – они еще сохранились, эти целебные источники, и до сих пор люди там купаются? Ай, Аллах, как хочется увидеть их снова...

Я была младшей из сестер. Мама работала в колхозе.

В Уде у нас была мечеть, хорошая была. И строил ее мой предок Эюб Чилашвили (*Да, вот и появились родственники нашей Марго! – К.Б.*).

И еще был большой церковный собор. Когда мы шли в школу, видели иногда, как туда заносили покойника. И мы вслед – нам-то, детям, интересно было... Что там внутри делалось, потом, смотрим, опять выносят оттуда.

Потом, когда невесту вели в церковь, мы, детвора, опять пускались вслед за ними, заходили, и там священник что-то делал, что-то читал, и потом невесту брали за руку и выво-

дили.

Мы ходили в школу, она была на азербайджанском языке, учились на латинице

(*азербайджанизация мусульман Самцхе-Джавахеги была в полном разгаре – К.Б.*).

Газета еще выходила «Адиген колхозчусу» – на двух языках – грузинском и азербайджанском. (*А вот и наша газета появилась – «Колхозник Адигени», на обороте которой Марго чертила генеалогию – К.Б.*)

Семья Омаровых-Лорткипанидзе: Фейза Каратубани, сын Казанфар, жена Фатима Чилашвили, Уде внук. Совхоз Шильян, Азербайджан, март 2004

Рядом были источники, да какие... Чуть наверху, над магазинами, больница была. К нам много гостей жаловало. Сестру одну мы отдали замуж в село Зазало, новые родственники нас посещали. Другую – в Кахарети, оттуда тоже гости приезжали.

Свадьбы тогда по-особому проходили. Невесту сажали в фэтон, ну, кто победнее – просто на лошадь. Обязательно жертвенного барана резали под ноги молодой невесты. Полный комплект золота давали невесте – золотые бусы (*полые золотые шарики – К.Б.*), мажар (*«мажар» – так месхетинцы называют золотую монету чеканки XIX-XX вв. с изображением императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа. «Мажар» до сих пор является непременным*

свадебным подарком месхетинской невесте. – К.Б.), серебряный пояс дагестанской работы, катха-лечак (*особые головные уборы месхетинской невесты. – К.Б.*), нагрудные украшения...

Из еды почетными у нас были хинкали, плов. Ели мчади (*лепешки из кукурузной муки – К.Б.*), простой мчади и с маслом, сыр, Фруктов много было. Помню сорта груш, что у нас росли в саду – «сасела», «синджири», «нямязир», «кабах», из яблок – «апорт», «синап», «паша алмасы», «шьяяр алмасы», «кьярянфил алмасы» (гвоздичное), оно было удлиненной формы и вправду пахло гвоздикой. Райские яблоки. Сливы... да такие крупные, такие вкусные... Варенье тогда еще не было распространено, в основном, делали пьстиль. Сейчас расскажу, как его делали.

Сливы «чанчур» варили, потом давили, потом еще варили, получалось повидло. Его размазывали тонким слоем на щиты, выкладывали на крыши, где они сохли, вот и получался пьстиль. Его мама делала, затем складывала в ящики, и отец отправлялся продавать. Бьякмяз делали (*выварочный сок из фруктов – К.Б.*) – из груш «кабах армуди» и «нэнэ армуди». Заливали им кувшины и зимой ели. Лобио было, кукуруза, пшеница... Хотя пшеницы мы много не сажали. Брали из колхоза – и пшеницу, и кукурузу. Ну, наша мама пекла удивительно вкусное мчади. У нас была такая большая печь – «фурун» мы ее называли. Ее сделал Аббас-дэдэ – брат моего деда, мы рядом жили. Такая это была большая печь, что зараз в нее вмещалось 20 «кьярсянов» с мчади («кьярсян» – деревянная емкость, в которой замешивали тесто – К.Б.).

В то утро, когда нас выслали, а это было 15 ноября 1944 года, мы еще спали, а мама пошла к Аббас-дэдэ, чтобы испечь для нас мчади. И вдруг с воплями возвращается: «Ву-уй! Семью Джафар-эми выслают!» Его жена была родом из Турции. Она подумала, что их за это выслают. И продолжает причитать: «Вуй-вуй! Я ведь тоже из Турции, значит, и нас вышлют...» Бьет себя по коленям и плачет.

Отец говорит: «Ты что, жена, одурела? Что случилось?» А мать голосит: «Ву-уй!»

Гляньте-ка, вниз (мы наверху жили), народ поднимают с мест...» И как раз в это время к нам зашли солдаты с оружием в руках.

От нас недалеко большая школа была, наемни туда привезли солдат и разместили в эти классные комнаты. Уроки в школе несколько дней, как отменили.

Ну так вот, весь народ собирается, а на улице машины огромные дожидаются.

Я по ходу расскажу про Бинали-эми Чилашвили, он мне двоюродным дядей приходился. Он был женат на грузинке, Марго ее звали (конечно, это не наша Марго, нашей Марго Чилашвили было 15 лет, не больше. – К.Б.). Она в районе на большой должности работала, дядя Бинали тоже, там познакомились. И эта Марго собирает вещи. И тут появляются ее родственники, под утро это было. Помогли ей, туда-сюда. И мать говорит ей: ну, собрала мужа, теперь пошли к нам домой. Марго говорит – не пойду. Мать говорит – пошли, она говорит – нет. Буквально за руки тянут ее родственники. Освободила Марго одну кровать от вещей, говорит – лягу поспать, когда будут увозить, приходите прощаться. Меня не трогайте, я никуда не пойду, только за мужем.

Когда пришел момент выезжать, пришли люди Марго и буквально повисли на ней: «Да их убивать увозят, тебя тоже зарежут...» Она и говорит: «Если Бинали зарежут, пусть и меня режут...». Эти тянут, те тянут. А Бинали-эми – интеллигентный такой

был, как сейчас перед глазами стоит – одетый в бобриковое пальто, отошел в сторону, стоит, опустив руки: мол, ваша девушка – уведете – уводите... Марго не идет, упирается, а ее тянут – пошли. Говорит она: «Я люблю этого человека, и я с ним – и с живым, и с мертвым... Не иду...»

Тут его брат Мярдан – только вернулся с фронта, раненый – пошел в школу за солдатами. Те пришли, напустились на ее родство: кто вы такие? У вас нет права распоряжаться – кто едет, а кто остается. Жена она ему? Значит, едет! Так и не смогли родственники отбить эту женщину. Марго сказала – муж умрет, и я умру, останется в живых – я тоже буду жить. Да, вот такой интересный факт нам запомнился и такая грузинская женщина...

Потом уже, когда дядя Бинали в Узбекистане на ноги встал, он родственникам жены из Ташкента рис посылал, так уважал их. К сожалению, умер он уже...

Ну, мы тоже пособирались. Оттавались у нас куры, так мы их зарезали и сварили на скорую руку. Хотели барана зарезать – не успели. И вся наша скотина так и осталась в сараях. Мы только собрали фрукты; с яйлы (с горного пастбища) прислали нам масло, сыр (даже буйволиный сыр был), да еще одного котенка в придачу прислали. Только вечером мы все это получили, так утром – давай, вставай с места, вперед! Все, что имели – все осталось.

В вагоны нас посадили в Ахалцихе. Мать, отец и две сестры мы. Две старшие сестры уже были за мужем. Хотели бежать, а куда побежишь? Наши дядья не вместе сели в поезд. Такой переполох был, такая давка и неразбериха... Вот и попали в разные стороны.

В вагонах мы ехали с месяц примерно. И попали в Булунгур Самаркандской области, далеко от родственников.

Когда мы приехали в ссылку, начали всех нас на работу выгонять – то хлопок, то свекла, то каналы рыть. Голод был страшный и бедность такая же.

В 1949 году я вышла замуж за каратубанца Фейза Омарова. Они жили в Центральном совхозе, недалеко от вас, и меня грела мысль, что буду близка к своим удинцам, очень любила я дядю Латифшаха, твоего отца, родней его считала...

Свадьбы особой не было. Ну, какая там свадьба... Родственники жениха испекли хлеб из ячменя и пшеницы, погрузились в арбу, приехали за мной, невестой. Так на арбе и повезли меня к жениху (смеется). Еще одного петуха зарезали. Такое время было голодное, что если попотчешь кого-нибудь простым хлебом, и то это было большим угощением... За хлеб человека могли зарезать.

У меня пятеро детей. Один в Казахстане, в городе Джамбуле, трое в Сырдарье. И здесь, в Азербайджане, со мной один сын Газанфар – вот пятеро и выходит.

Слава Аллаху, пережили трудности и дожили до благополучия.

Но вот бежали из Узбекистана от погромов. В 1990 году приехали сюда, в совхоз. 14 лет уже здесь. Сеем, сажаем, огородом занимаемся. Сын и внуки помогают.

К нам здесь относятся хорошо, не жалуемся. Имеем гражданство, земля есть, сумеешь – проживи. Но, несмотря на это, мы свою Родину хотим.

Все мои сестры поумирали. Из старшего нашего поколения Чилашвили из Уде я одна осталась. Что еще хочу сказать – ведь раньше, когда наши отцы и деды жили там, на Родине, мы с грузинами-христианами, нашими братьями, жили тихо – мирно.

А что нам помешает и сейчас жить так же в мире? Почему нас не могут вернуть?»

Справедливый вопрос задала тетя Фатима. Правда, ответить на него некому. И сама она опять далеко от родного Уде, живет теперь в Турции, в Бурсе. И также, наверное, тоскует о Родине.

Клара БАРАТАШВИЛИ